

Мужчина-полицейский, разумеется, подумал, что забрать с собой он хочет Шэн Яо.

Хотя он не понимал, какая связь существует между старшей барышней Шэн и Семейей Жун, Семья Кун придавала этому делу особое значение, а семьи Кун и Жун много лет поддерживали тесные дружеские отношения.

— Простите! Мы еще не закончили допрос, мисс Шэн — очень важный свидетель, и мы надеемся, что господин Жун посодействует работе полиции.

В этот момент Шэн Яо поднялась с места и подошла прямо к ним.

Её глаза ярко сияли, и она с наигранным предвкушением спросила:

— Братец Юй, почему ты тоже пришел сюда? Ты пришел за мной? Но мне ведь еще нужно продолжать помогать полиции! Если ты будешь здесь ждать, разве это не мешает твоей работе?

Жун Юй посмотрел на девушку, которая бросилась к нему с выражением чистейшего обожания на лице, и на мгновение растерялся, не зная, что ответить.

— Он пришел за мной.

Парень, молчавший уже довольно долго, заговорил снова.

Подняв взгляд на мужчину, стоявшего у входа, Гу Хуайнянь с усмешкой произнес:

— Жун Юй, скажи ей, какие на самом деле у нас отношения.

Мужчина плотно сжал губы, превратив их в тонкую линию, а его темные глаза казались настолько глубокими, что дна было не разглядеть.

Раз уж такая прекрасная возможность сама плывет в руки, разве могла Шэн Яо упустить её?

К размышлениям о том, что её сердце может разбиться вдребезги, возвращаться не хотелось, так почему бы не покрутить их обоих на пальце, как каких-нибудь обезьянок.

Она мгновенно вошла в роль прирожденной актрисы и изобразила крайнее удивление:

— Почему я ничего не понимаю из его слов? Что значит — какие отношения? Вы оба мужчины, какие между вами могут быть отношения?

Словно осознав что-то, девушка повысила голос на несколько тонов, так что ее слова прозвучали даже резковато и неприятно для слуха.

Похоже, на этот раз скрыть правду уже не удастся, и Жун Юю пришлось ответить честно, а уже потом думать, как её успокоить.

— Мы... возлюбленные.

— Кхе... кхе-кхе... — мужчина-полицейский поперхнулся собственной слюной.

Развитие событий выглядело несколько сюрреалистичным: дело толком не расследовали, зато выяснилось, что генеральный директор Жун — из этих.

Впрочем, если эти двое мужчин действительно пара, то подозрения старшей барышни Шэн в отношении Гу Хуайняня как главного зачинщика, разумеется, отпадут сами собой.

Едва эти слова затихли, барышня Шэн, мастерски вжившаяся в роль, взвизгнула, с силой оттолкнула стоявшего у прохода мужчину и выбежала вон.

Увидев это, Гу Хуайнянь слегка улыбнулся уголками глаз.

Эта стерва так сильно любит Жун Юя, но она и представить не могла, что Жун Юй любит его самого — того, кого она ненавидит больше всех на свете.

Нет ничего более жестокого, чем убить не тело, а сердце.

Жун Юй молча сжал кулаки, развернулся и быстрым шагом бросился в погоню.

Заметив, что он побежал следом, Гу Хуайнянь слегка изменился в лице и тоже поднялся, покидая комнату для допросов.

И лишь полицейский так и остался стоять в растерянности, постепенно переваривая этот дикий и причудливый поворот.

Девушка еще не успела выбежать из здания управления общественной безопасности, как Жун Юй нагнал ее и схватил за руку.

— Давай поговорим.

Поиграть в цирк с обезьянами уже удалось вдоволь, и старшей барышни Шэн больше не было никакого желания продолжать этот спектакль.

Она яростно стряхнула его руку:

— О чем нам еще разговаривать? Если ты хочешь закрыть мне рот, лучше просто убей меня, иначе я никому из вас жизнь не испорчу!

Сначала — отравление, из-за которого пострадал единственный близкий человек в этом мире, затем — попытка ополить её и подстроить так, чтобы в её комнату прибежал омерзительный жирный толстяк, а еще этот мужчина в темных очках и маске...

Одно за другим, каждое из этих происшествий переходило её личные границы. Они что, всерьез думали, что она — мягкотелый червяк, не умеющий давать отпор?

Шэн Яо больше не собиралась думать о самоубийстве, способном разрушить этот мир, и не собиралась искать способы сбежать. Она сотрет их всех в порошок, растопчет ногами и пойдет на любые жертвы ради этого.

Не ожидая от нее таких слов, Жун Юй нахмурился:

— Здесь неудобно, давай найдем тихое место и...

— Это был ты!

Девушка оборвала слова мужчины, и её темные, сияющие глаза неподвижно уставились на его лицо.

Жун Юй напрягся внутри, хотя внешне остался совершенно бесстрастным.

Не дожидаясь его ответа, Шэн Яо с абсолютной уверенностью произнесла:

— Точно ты. Кроме тебя, мало у кого хватит способностей подчищать за ним хвосты.

Раньше она лишь догадывалась об этом, но не решалась утверждать наверняка, ведь в романе описывалось, как сильно Жун Юй опекает сестру, к тому же отец бывшей второстепенной злодейки спас его отца.

Но в тот момент, когда он появился, девушка в душе окончательно во всем убедилась.

К черту этот первоначальный роман, к черту эту братскую опеку — все это оказалось сплошной ложью.

То ли сказывались остаточные эмоции прежней героини романа, то ли что-то еще, но Шэн Яо

до слез захлестнула обида.

Горечь в сердце постепенно разлилась через край, отчего ее глаза даже покраснели. Сколько она себя помнила, ей еще никогда не приходилось терпеть такое унижение.

— Ты раз за разом помогал ему выступать против меня, несколько раз подставлял меня вместе с ним, а теперь еще хочешь, чтобы мы спокойно поговорили? С какой стати?

В ее голосе звучали слезные нотки, в глазах мерцали слёзы, и это зрелище было до боли трогательным.

Жун Юй и раньше испытывал перед ней чувство вины, а теперь, когда она обо всем догадалась, эта вина выросла вдвое:

— Не переживай, больше подобного не повторится. В конце концов, это тоже...

— Я не переживаю!

Девушка резко перебила его, а на губах заиграла насмешливая улыбка:

— Я вообще ни капельки не переживаю! Как можно чувствовать себя в безопасности, когда тебя исподтишка травят и подставляют?

Не давая ему возможности вставить слово, она продолжила:

— В конце концов, для тебя я всего лишь посторонний человек, до которого нет дела. Можешь и дальше помогать своему возлюбленному расправляться со мной, не нужно корчить из себя тошнотворного святошу. Я больше не собираюсь сидеть сложа руки и ждать своей участи.

Доведенная до крайнего предела гнева, она, разумеется, не подбирала выражения.

Шэн Яо обошла его и быстрым шагом направилась к выходу.

Если бы только можно было, она бы с удовольствием отвесила этому паршивому мужику пару пощёчин — это хотя бы немного уменьшило бы накопившуюся за последнее время горечь и тоску.

Однако здравый смысл подсказывал, что распускать руки нельзя. Да и бить его должна не она, а Цзи Юнь.

По сравнению с её собственными безобидными пощёчинами, разочарование Цзи Юнь способно

было заставить человека вроде Жун Юя почувствовать себя как в аду. К тому же от ударов по его физиономии только собственные руки заболят!

Хотя он понятия не имел, откуда она узнала обо всем, Жун Юй был уверен в одном: эти новости очень скоро дойдут до его матери.

Поэтому ни в коем случае нельзя было позволить девушке уйти охваченной таким гневом.

Он снова бросился за ней, схватил за руку и, не обращая внимания на её сопротивление, потащил в сторону парковки.

— Пусти меня, я сказала пусти, помогите!

Шэн Яо никак не могла вырваться — его крупная рука сжала ее запястье так крепко, словно это были кандалы.

Не видя другого выхода, она громко закричала, напрочь забыв о приличиях:

— Спасите! На помощь, помогите кто-нибудь!

Услышав призывы о помощи, несколько полицейских подбежали, чтобы выяснить, в чем дело.

Жун Юй слегка нахмурился и был вынужден временно отпустить её руку.

Девушка, словно испуганный кролик, со всех ног бросилась бежать прочь.

Стоило отойти от здания полиции совсем недалеко, как мужчина догнал ее бегом и снова схватил за руку.

— Яояо, послушай меня...

Какая же он все-таки прилипчивая сволочь.

Шэн Яо уже тошнило от этой парочки кобелей, и она чеканно произнесла:

— Я не хочу слушать ни единого слова. Либо убей меня прямо здесь, либо я немедленно всё расскажу матушке Цзи. Пусть она узнает, что такой свиноподобный ублюдок снова и снова помогал жестокому и беспринципному мерзавцу издеваться надо мной. Посмотрим, в глаза какому покойнику ты сможешь посмотреть после своей смерти — моему отцу или твоему.

Собеседница сыпала угрозами, приплетая даже старших членов семьи.

Мужчина был бессилен что-либо сделать и в конце концов бросил уговаривать её мягким тоном:

— Даже если ты расскажешь моей маме, и что с того? У меня нет к тебе никаких романтических чувств, а насильно мил не будешь.

Услышав это, девушка вдруг громко рассмеялась.

Она смеялась так сильно, что сгибалась пополам, напрочь забыв про всякие приличия:

— Есть проблемы — прими лекарство, нечего устраивать тут истерики перед моим лицом. Кто вообще просил тебя меня любить? Разве мало на свете хороших парней? У меня прекрасная внешность, за мной толпами бегают мужчины, неужели я опущусь до того, чтобы навязываться и унижаться перед тобой?

Жун Юй, однако, не поверил ни единому ее слову, решив, что это обычное от любви до ненависти.

Он сжал губы:

— Я знаю, как тебе тяжело, но ты еще молодая, встретишь кого-то лучше. Перестань заикливаться на мне.

Похоже, этот долбанный пень был абсолютно глух к человеческой речи.

Шэн Яо не знала, плакать ей от смеха или злиться. То ли её контроль над телом стал окончательно полным, то ли злость переполняла через край, но сейчас при виде стоящего перед ней мужчины она не чувствовала ни капли трепета.

Если в ней и осталось хоть какое-то чувство, так это желание притащить сюда мешок с взрывчаткой и взорвать их обоих к чертям, чтобы они разлетелись прекрасными фейерверками.

Она прищурилась, глядя на собеседника, а ее тон был холодным до предела:

— По сравнению с такими коварными и подлыми ничтожествами, как вы, все остальные люди, встреченные мной на пути — просто святые, прожившие десять праведных жизней. Повторяю в последний раз: ты мне не нравишься, вообще не нравишься! Хватит уже строить из себя жертву неразделенной любви, меня от этого просто воротит.

Встретившись взглядом с этими глазами, полными отвращения и презрения, мужчина почувствовал, как у него на душе скребут кошки, и невольно засомнивался: неужели те кошмары, что снились ему целый месяц, были реальностью?

Неужели она и впрямь его не любит?

Может быть, он где-то ошибся?

Шэн Яо продолжила:

— Ты и я — это как телеграфный столб и собака. Столб мирно стоит на месте, а собака вокруг него круги нарежает, так нет же, ей еще обязательно нужно возомнить в своем нарциссизме, будто столб в нее влюблен. До чего же нелепо!

Больше не возвращаясь к теме чувств, Жун Юй понизил голос до едва слышного шепота:

— В этом мире ничего не происходит просто так, Яояо. Не впутывай Хуайняня, он ни в чем не виноват. Это твой долг из прошлой жизни, и я не позволю тебе пострадать — просто позволю ему выплеснуть накопившуюся обиду.

Какого же чёрта!

Тут дело не просто в переродившемся Гу Хуайняне — Жун Юй ведь тоже переродился!

Неудивительно, что Жун Юй помогал Гу Хуайняню расправляться с ней.

Настроение девушки стало несколько неоднозначным.

Однако она не выдала и тени удивления, а вместо этого посмотрела на него как на умственно отсталого:

— Прошлая жизнь? Я задолжала ему? Ха-ха-ха-ха, да из тебя вышел бы отличный сценарист! Работать генеральным директором Корпорации Жун для тебя просто расточительство. Напомнить тебе детскую истину: «Научное общество, не верьте в суеверия»?

Лицо Жун Юя то бледнело, то краснело. Он сам понимал, что его слова шиты белыми нитками, но такова была реальность.

— У тебя не осталось воспоминаний о прошлых жизнях, но долги все равно придется вернуть.

Прислушиваясь к бормотанию мужчины, похожему на бред сумасшедшего, Шэн Яо мысленно

усмехнулась.

Если уж заводить речь об оригинальном романе, то долгов у Цзи Юнь накопилось ничуть не меньше, чем у бывшей злодейки. Так что, ей теперь тоже, как в каком-нибудь романе, отправить родившую и воспитавшую её мать в психиатрическую больницу ради мести любимому человеку?

Какая несусветная глупость!

Девушка отвела взгляд, не желая больше на него смотреть, чтобы не марать глаза.

— Больше не заикайся мне о каких-то прошлых жизнях. Даже если эта ваша прошлая жизнь и вправду была, что с того? Если вы с Гу Хуайнянем в прошлых жизнях были двумя свиньями, так вас что, теперь на бойню вести и резать пора?

От её слов, где фигурировали то собаки, то свиньи, её речь звучала отвратительно резко, а тон был пропитан высочайшим презрением.

Жун Юй нахмурился, но не успел он раскрыть рот, как догнавший их Гу Хуайнянь, охваченный яростью, занес руку, намереваясь влить девушке пощечину.

<http://bllate.org/book/21623/2230575>